

СПРАВОЧНЫЙ ЛИСТОВЪ

РАИОНА

МОРШАНСКО-СЫЗРАНСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО, СЪ 1 ДЕКАБРЯ 1875 ГОДА. КРОМЪ ПОСЛѢ ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Въ Моршанъ, Кузнецк., Сызр. и Пензъ.		За помѣщеніе объявленія въ 20 словъ:		
	безъ пересылки или доставки.	съ доставкой.	въ другіе города.	Обычн. шрифта, котор. набр. текстъ газеты
На годъ	4 р.	5 р.	5 р. 50 к.	15 к.
„ полгода	2 — 50 к.	3 р.	3 — 50 —	10 словъ — половинная плата
„ одинъ мѣсяць	— 75 к.	1 р.	1 р. 25 к.	— напечатаніе свѣте 3-хъ разъ — по соглашенію съ редакціей.
				За одинъ разъ: за 2 раза- 25 к. 80 к. За 3 раза

Подписка на газету и приемъ объявленій ежедневно отъ 8 часовъ утра до 8 часовъ вечера открыты: въ Пензѣ — въ конторѣ редакціи, на Московской ул., въ д. Пелетьминскаго, и въ отдѣленіяхъ: въ Моршанскѣ — у Ивана Денисовича Крушевскаго, въ Кузнецкѣ — у Надворнаго Совѣтника, Дмитрія Ивановича г. Неклюдова, кварт. на Бутырской у., д. Всеволожскаго, въ Сызранѣ — у землевладѣльца Бориса Михайловича Уварова, кварт. на Большой ул., въ собств. домѣ.

Скоропечатная Типографія В. Н. Умнова принимаетъ по умѣреннымъ цѣнамъ заказы на всякаго рода бланки, видки, отчеты и объявленія, какъ для частныхъ лицъ, такъ равно и для разнородныхъ правительственныхъ учреждений; машинное линейванье книгъ; дешевый переплетъ и брошюровка; чайныя этикетки, а равно для винокуренныхъ заводовъ ярлыки; обертки и сигнатуры для магазиновъ и аптекъ. Сверхъ того имѣется **разнообразный выборъ визитныхъ карточекъ, по крайне умѣреннымъ цѣнамъ.** Заказы исполняются съ точностію въ назначенныя сроки.

Заказы принимаются, какъ въ конторѣ редакціи „Справочнаго Листка“, помѣщающейся въ г. Пензѣ, на Московской улицѣ, такъ и въ отдѣленіяхъ редакціи Справочнаго Листка, въ Моршанскѣ, Кузнецкѣ и Сызранѣ, лицами заведующими этими отдѣленіями.

ЧЕТВЕРГЪ 29-ГО АПРѢЛЯ 1876 Г.

Содержаніе: Мѣс.-Календарь.—Тяжелый годъ (окончаніе). Разныя извѣстія.—Сызрань (путевныя наброски).—Справочныя свѣдѣнія.—Объявленія.

Мѣсяцословъ-Календарь.

Мѣсяць Апрель, по-славянски Цвѣтень, имѣетъ 30 дней.

29/11. м. въ Кизикѣ: Теофія, Руфа, Антипатра, Евостиха, Артемы, Магна, Θεодота, Евмвасія, Филимома. и. Мемнопа. м. Діодора, Роденіана.

ТЯЖЕЛЫЙ ГОДЪ

(очерки уездной жизни)

(Окончаніе).

Смерть производитъ весьма тяжелое и грустное впечатлѣніе даже и тогда, когда касается лицъ постороннихъ, но если она коснется лица близкаго, роднаго и любимаго, то впечатлѣніе, производимое ею, кажется еще сильнѣе. Среди горя, охватившаго въ то время душу, съ трудомъ вѣрится, что это тотъ человѣкъ, который вчера еще, или даже сегодня утромъ, открывалъ глаза, говорилъ, отвѣчалъ поцалуемъ на поцалуи, словомъ: жилъ и чувствовалъ, а теперь вдругъ превратился въ безжизненное тѣло, въ которомъ есть все, что принадлежитъ любимому человѣку, но вмѣстѣ съ

тѣмъ, въ которомъ нѣтъ ничего, что составляло когда-то его неотъемлемую принадлежность. Что-то намъ неизвѣстное, непонятное для нашего ума и неуловимое для нашихъ чувствъ; то, что прежде сверкало во взглядѣ, сіяло въ улыбкѣ, звучало въ рѣчахъ; что давало смыслъ словамъ, движеніямъ и поступкамъ. — это необъяснимое что-то вдругъ куда-то испарилось, исчезло, расплылось въ пространствѣ, растаяло какъ снѣгъ, „гонимый вѣшними лучами“....

Да полно, тотъ-ли это человѣкъ передъ нами? А если тотъ, такъ можетъ быть онъ только уснулъ крѣпкимъ сномъ, или находится въ обморокѣ, и потому такъ безучастно относится къ жизни и ея стимуламъ? Вотъ вопросы, которые невольно скользятъ въ мысляхъ каждаго въ то время, когда полные слезъ и грусти глаза неподвижно и пытливо всматриваются въ блѣдныя, безжизненные черты любимаго человѣка, за минуту предъ тѣмъ еще дышавшія жизнью!.... Онъ живъ! подсказываетъ сердце, и хотя разсудокъ ясно доказываетъ противное, но сердце всетаки продолжаетъ делять сладостную надежду; и когда исчезнетъ послѣдняя капля

этой надежды, то взаимно ее, вдруг возникает вопрос: что если онъ жаль?

А вѣдь въ самомъ дѣлѣ: что если эта глубокая неподвижность есть ничто иное, какъ летаргическій сонъ? Что если въ то время, когда надъ головой на вѣки сомкнется могила, среди глубокаго мрака и невозмутимой тишины этой могилы, вдруг наступитъ пробужденіе?... И какое пробужденіе—въ моментъ котораго глаза не увидятъ свѣта и грудь не найдетъ воздуха для дыханія за которымъ послѣдуетъ нѣсколько минутъ невыразимаго ужаса, нѣсколько минутъ невыносимыхъ мученій, а въ заключеніи все-таки смерть, и на этотъ разъ ужъ настоящая, безповоротная... „За человѣка странно“!

Такіе вопросы будутъ задавать себѣ личность родная близкая: отецъ, мать, мужъ, жена, братъ, сестра.... Испытаны горе вѣчной разлуки, они дождутся до тѣхъ поръ, когда смерть заявитъ о своемъ присутствіи несомнѣнными признаками, въ видѣ трупнаго разложенія; и тогда только, обливаясь слезами, рѣшатся сказать послѣднее прощаніе и опустятъ милый прахъ въ сырую землю....

Но если смерть застигнетъ среди чужихъ людей, то тѣ взглянуть на дѣло сообразъ съ другой точки зрѣнія. Живымъ нѣтъ дѣла до умершихъ или до тѣхъ, которые кажутся умершими.

Мертвый въ гробѣ мирно спи.

Жизелью пользуюсь живущій!

Если молчить, да не дышетъ и не двигается—такъ значить умеръ. Наступилъ третій день—хоронить пора: коли живаго схоронять—самъ виновать, не обманывай,—а у насъ дѣла есть; и съ живыми то не управилъ, а тутъ еще съ мертвымъ возись. На кладбищѣ его, въ могилу!

Спи непробуднымъ сномъ до страшнаго суда!

Вотъ какими разсужденіями будутъ руководствоваться чужіе, въ случаѣ смерти своего ближняго.

Но нигдѣ такая логика такъ постоянно не практикуется, какъ среди крестьянскаго населенія; и практикуется не одними лишь посторонними покойному людямъ, а людьми близкими, родными. Въ деревнѣ, напримѣръ, сегодня человѣкъ умереть, а завтра ужъ его хоронятъ. И это происходитъ не отъ грубости и закоснѣлости чувствъ крестьянина;—нѣтъ, и онъ также любитъ, также жалѣетъ и плачетъ о своемъ близкомъ, какъ и всякій другой человѣкъ,—а иной разъ можетъ быть даже и сильнѣе... Но дѣло въ томъ, что вѣсть съ нахлынувшимъ горемъ, надъ нимъ тяготѣютъ преданія, завѣщанныя предками, тяготѣетъ скорбь тѣснаго помѣщенія, въ которомъ часто нѣтъ мѣста и живымъ; тяготѣетъ нужда, заставляющая часто дорожить каждымъ лишнимъ часомъ работы, а не только что цѣлымъ лишнимъ днемъ. И вотъ въ силу этихъ-то преданій и безысходной нужды, крестьянинъ,

какъ только что кто умереть у него въ семьѣ,—идетъ къ „батьюшкѣ“ и „молится схоронить покойничка поскорѣе“. А „батьюшкѣ“ все одно, хотя онъ и знаетъ законъ о трехдневномъ срокѣ: у „батьюшкѣ“, у самого время дорого; вотъ она рожь-то, несжатая стоитъ, того и гляди, что высплется:—и если „покойничекъ“ изъ богагаго дома, то „батьюшка“, изъ основній известнаго ему закона, сдѣлаетъ „принципу—поломается“,—но это собственно для того, чтобы получить побольше за отпѣванье, а похоронить-то все-таки похорошѣе, когда требуется....

Вѣдь не правда-ли, читатель,—возмутительный фактъ? Но представьте себѣ, что у насъ, на святой Руси, такіе факты случаются эпидеміи да ридмы и такъ дружно сжились со строемъ нашей общественной жизни, что никого не трогаютъ и никого не возмущаютъ. Общество остается равнодушнымъ къ творящемуся ежедневно безчеловѣчію и ни одинъ человѣкъ не вскрикиваетъ отъ ужаса, хотя бы ради той участи похороненнаго заживо, которая можетъ предтоять и ему самому, на Руси живущему. Правительство и интеллигенція указали намъ законъ, опредѣляющій время погребенія, указали на такъ называемыя „усыпальницы“, устроенныя на каждомъ кладбищѣ; но что-же изъ этого вышло? Законъ намъ вѣкъ известенъ; усыпальницы мѣстами выстроены, но въ нихъ находятъ упокоеніе не мертвые, какъ это слѣдовало ожидать;—а живые.... Какой нибудь пьяный церковный сторожъ подчасъ хранитъ тамъ „во всю насосную запертку“. А мы еще смѣемъ называть нашу вѣкъ—вѣкомъ просвѣщенія и гуманности. Нечего сказать: хорошо просвѣщеніе, хороша, гуманность! Невольно вспоминаются при этомъ слова поэта:

Вы еще не въ могилѣ, вы живы,

Но для дѣла—вы мертвы давно;

Суждены вамъ благіе порывы,

Но свершить ничего не дано....

Г. Несчастливцовъ.

21 Апрѣля, 1876 г., г. Керенскъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— По словамъ „Прав. Вѣстника“, 20-го Апрѣля состоялось засѣданіе Императорскаго русскаго техническаго общества, подъ предсѣдательствомъ П. А. Качубея, въ которомъ, между прочимъ, было доложено, какъ сообщаютъ въ „Русск. Инвалидѣ“, о ходѣ работъ комисіи по изученію вопроса: „о своевременности введенія метрическихъ мѣръ и вѣсовъ въ Россіи“. Эта комисія положила сообщить свои работы нѣкоторымъ учрежденіямъ и обществамъ, могущимъ дать практическія указанія по изучаемому ею вопросу. Такое положеніе этой комисіи

было одобрено совѣтомъ общества, постановившимъ также ходатайствовать объ образованіи **Московского отдѣла общества**, въ виду заявленія о томъ Московскихъ членовъ общества, и предложить членамъ постоянной комисіи по техническому образованію, состоящей при обществѣ, въ виду развитія ея дѣятельности, преобразоваться въ **новый пятый отдѣлъ общества**, назначеніе котораго будетъ—**изученіе вопросовъ по техническому образованію и веденіе школъ общества**.

— Изъ **Василь-Сурска**, отъ 14-го Апрѣля, корреспондентъ „Виржи“ пишетъ: погода здѣсь стоитъ теплая, но пасмурная, съ порывистыми вѣтрами. Въ рѣкѣ Сурѣ вода начала убывать, и по настоящее время уже убыло до двухъ аршинъ. Сурскій караванъ начинаетъ выплывать. Его теперь слыло до 35 барокъ: въ сравненіи съ прошлыми годами, караванъ нынѣ медленно плыветъ, такъ какъ тому препятствуетъ напоръ воды съ Волги, такъ что отъ самаго Курмыша, разстояніемъ въ 120 верстахъ отъ насъ, по теченію рѣки баржи ведутъ подачею и къ тому же препятствуютъ дующіе третій день вѣтры. Въ Волгѣ всей воды противъ обыкновеннаго уровня прибыло на 10¹/₂ аршинъ; какъ замѣчено вода пошла уже на убыль. На воротынской и вельской пристаняхъ нагрузка хлѣбовъ окончена вся, и нагруженные баржи забуксированы пароходами и уведены въ Рыбинску. По Сурѣ, съ открытія настоящей навигаціи, между Промзномъ и Василь-Сурскомъ открыто пароходное сообщеніе. Легкопассажирскій пароходъ „Бабочка“ успѣваетъ дѣлать правильные рейсы между упомянутыми мѣстностями, на разстояніи 400 верстъ, по два рейса въ недѣлю. Сюда онъ приходитъ, а также и отходитъ, по понедельникамъ и четвергамъ.

СЫЗРАНЬ

(Путевыя наброски).

— „Это городъ знаменитаго антрепренера,“ — сообщилъ мнѣ съѣздъ по вагону, — „артиста, стяжавшаго себѣ славу маленькой фигуркой, способной на всякіе скандалы, и бездарной игрой въ роляхъ гусариковъ, постукивающихъ саблею; впрочемъ, добавилъ онъ: — Пензенцы знакомы съ его дерзкими выходками, чуть чуть не стоившими ему.... Гдѣ же онъ теперь, „воптель черноокій!“...“

Однако, при поверхностномъ взглядѣ на нѣкоторыя стороны бытія Сызрани, насколько позволяло двухъ-трехъ часовое пребываніе въ немъ, оказалось, что городъ обладаетъ и другими особенностями, между которыми—въ рукъ вонъ плохія гостинницы играютъ не послѣднюю роль. „Въ какую гостинницу прикажете? — спрашивалъ меня извозчикъ. — Развѣ у васъ нѣсколько ихъ? — „Точно такъ-съ!“ — Въ лучшую. —

„Слушаю-съ!“, Извозчикъ-лихачъ на быстроногомъ конѣ (лошадь у извозчиковъ дѣйствительно не дурны) подкатилъ меня въ Сысуеву. Едва успѣлъ онъ остановиться у грязнаго невзрачнаго входа, какъ насупротивъ какая-то чуйка крикнула извозчику. „Провой Степановичъ! Эхъ братъ, что-жъ къ намъ-то!“ Извозчикъ весьма выразительной мимикой и пожатіемъ плечъ далъ знать взывателю, что де-моль онъ самъ бы съ охотой, да вотъ сѣдокъ наказалъ сюда. Чуйка съ укоромъ замотала головой, потомъ плюнула и исчезла за скрыпучей дверью. Гостинница оказалась грязной, номера сравнительно дорогіе, мебель отвратительная и при этомъ покрыта густымъ слоемъ пыли; наѣзкомыхъ въ изобиліи, прислуги нѣтъ, такъ что пришлось въ одно и то же время изображать изъ себя и барина, и слугу, самоваръ подала какая-то особа женскаго пола въ золотыхъ серьгахъ, дававшая каждому движеніемъ чувствовать квартиранту что она не обязана это дѣлать, что это для нея униженіе, но что-де поставлена въ необходимость. — Гдѣ же прислуги спросить я ее. „Въ Самарѣ.“ — Но почему тамъ, а не здѣсь, гдѣ требуется ее присутствие, я не добился отъ импровизированной тоспожи-служанки. Изъ предметовъ въ гостинницѣ, прямо бросающихся въ глаза, обращаетъ на себя вниманіе рисунокъ, прибывшій въ корридоръ, противъ № 4-го, съ повѣшеннымъ, на немъ влючемъ и съ надписью, окруженной разными разукрашенными красками арматурами и неизбѣжной указывающей направленіе рукой, буйвально гласящей такъ: „отъ ретиратурнаго мѣста.“ Читатель, если когда нибудь тебѣ придется посетить Сызрань и остановится въ этой гостинницѣ, не бери этого ключа!

На улицѣ тучи пыли, поднимающейся при малѣйшемъ вѣтрѣ. постройки скучены и при пожарѣ опасность не малая... Мнѣ вспомнился Вольскъ, гдѣ на пожарномъ дворѣ подъ навѣсомъ день и ночь стоятъ двѣ тройки, запряженные въ машину и бочку, съ сидящими на козлахъ во всей амуниціи пожарными... Въ Сызранѣ же я не замѣтилъ такой предосторожности, но невольно обратилъ вниманіе на пожарную каланчу, на которой отъ верхняго часоваго проведено внизъ по разнымъ направленіямъ до десяти шнурковъ! Надо имѣть особую находчивость и спокойствіе духа при пожарномъ случаѣ, чтобы не забыть, какой шнурокъ надо дернуть; невольно задаешься вопросомъ, что если въ самомъ дѣлѣ часовой дернетъ не тотъ, которой слѣдовало бы. Ужъ лучше было бы установить телеграфной аппаратъ и выучить всѣхъ пожарныхъ телеграфной премудрости!

На пароходныхъ пристаняхъ полиціи нѣтъ, такъ что въ день моего отплытія давѣа была нестерпимая, въ особенности при двухъ одновременно стоявшихъ пароходахъ; билеты получались съ бою; шумъ, брань и суматоха невообразимые; они увеличивались еще

болѣе отъ попавшей въ этой свалкѣ подъ ноги пассажирамъ чѣй-то потерянной свѣжей мелкой рыбы; одни скользили по ней и падали, а другіе старались захватить добычу и тоже падали. Наконецъ пароходъ отвалилъ. — „Батюшка, отецъ родной! спусти меня на землю“, вопила передъ капитаномъ парохода какая-то женщина, толпой затиснутая на пароходъ, хотя она была только зрительницей и никакого намѣренія не имѣла путешествовать. — „Тэпэръ не можно! Я три свистокъ далъ, зашесть не слышалъ...“ — „Господи! что это такое! взмолилась баба. — На двѣнадцатой верстѣ, у какой-то деревни, бабу-путешественницу спустили съ парохода, цубанка шутливо пропала съ ней, желая ей добраго пути. Капитанъ-дѣмецъ сердито смотрѣлъ на нее, но денегъ за проѣздъ не потребовалъ....

М...

СПРАВОЧНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

ТОРГОВЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Москва 25 Апрѣля. „Корресп. Справ. Листка“. Затянуто въ торговлѣ хлѣбными продуктами, такъ долго царившему во всей, какъ московской, такъ и провинціальной торговлѣ, по видимому наступаетъ конецъ. Въ послѣднюю недѣлю все чаще и чаще получаютъ свѣдѣнія о запродажахъ хлѣбныхъ изъ разныхъ портовыхъ городовъ — заграничныхъ торговцевъ. Въ особенности, подъ вліяніемъ этихъ извѣстій, въ Москвѣ въ послѣднее время оживилась оборота съ овсомъ; цѣны на него начинаютъ по немногу становиться выше; подобное же оживленіе дѣлъ проявляется, хотя пока еще и не въ сильной степени, — и съ ржаной мукой и крупой. Нынѣ въ Москвѣ изъ складовъ при желѣзнодорожныхъ станціяхъ продаютъ муку ржаную отъ 6 р. до 8 р. 50 к. за кулъ; за послѣднюю цѣну можно купить муку самаго лучшаго достоинства; овесъ обыкновенный, вѣса менѣе 5 1/2 п. въ четверти, отъ 3 р. 50 к. до 3 р. 75 к.; педьки съ двѣ тому назадъ его можно было купить на 25-50 к. въ кулъ дешевле; тяжелѣе овесъ, въ 5 п. 20 ф. въ четверти, отъ 4 р. до 4 р. 25 к. за кулъ; пшено желтое 1-го сорта 11 р. 50 к., втораго сорта отъ 9 р. 50 к. за четверть, вѣщающую обыкновенно 10 пудовъ; крупа гречневая Моршанская и Московская 8 р. 50 к., Орловская на 50 к. дороже, ядрица отъ 8 р. до 9 р. 25 к. Мука ржаная отъ 6 р. 25 к. до 8 р. за кулъ; хлѣбъ печеный отъ 54 до 70 к. за пудъ; въ Москвѣ все болѣе и болѣе начинаетъ входить въ употребленіе хлѣбъ, выпекаемый не изъ муки, а прямо изъ зерновой ржи; теперь еже открыто двѣ такихъ пекарни; но ввкорѣ такой способъ выпеченія хлѣба, какъ говорятъ, будетъ примѣненъ и въ другихъ пекарняхъ; цѣна

на такой хлѣбъ одинаковъ съ тѣмъ, который выпекается изъ муки; только при продажахъ большими количествами уступаютъ его дешевле; по достоинству же при одинаковой цѣнѣ, хлѣбъ, выпекаемый изъ ржи — оказывается лучше. — Съ мукой крупитчатой дѣла тихи; цѣны стоятъ тѣже, что и прежде; надѣются, что проивившееся оживленіе въ хлѣбной торговлѣ распространится и на крупитчатую муку. — Сѣно въ цѣнѣ нѣсколько понизилось въ сравненіи съ зимой; теперь лучше сорта продаютъ отъ 40 до 45 к., сорта же пшение можно приобрести отъ 30 к. за пудъ; на постоянныхъ дворахъ продолжаютъ брать за сѣно отъ 50 до 60 к. за пудъ. Солома ржаная сноповая 20 к. пудъ. — Мясми торгуютъ хорошо; говядина черныяская продается отъ 3 р. 20 к. до 4 р. 40 к. за пудъ; куры отъ 40 до 60 к. за штуку, гуси отъ 75 к. до 1 р. 30 к., утки отъ 70 к. до 1 р. за штуку, лица привозныя въ розничной торговлѣ продаются отъ 2 р. 20 к. сотня; свѣжія здѣшнія отъ 3 р. 50 к. до 4 р. 25 к. сотня. — Торговля лошадьми идетъ очень тихо; приводится барышниками изъ провинцій лошадей для продажи въ Москвѣ всю нынѣшнюю зиму несравненно меньше, чѣмъ въ предыдущее года; цѣны на обыкновенныхъ рабочихъ лошадей стоятъ отъ 60 до 100 р. за голову. — Погода ясная, холодная.

Дозволено цензурою. 28 Апрѣля 1876 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Ищетъ должность прикащика въ имѣніе, по хозяйственной части, Абрамъ Исаевъ Мурзинъ. Адресъ: Пенза, Лекарская, домъ священника Бурлуцкаго, спросить въ лавочкѣ.

Продается пролетка, за ненадобностію, новая въ домѣ купца Ивана Ивановича Маршева, на Московскій улицѣ — спросить кучера Ермолая. (12) — 8.

МАГАЗИНЪ

АНТОНА АНДРЕЕВИЧА АНДРЕЕВА,

въ Пензѣ.

производитъ разныя банкирскія операціи, какъ то: покупку и продажу разныхъ % бумагъ; продаетъ 5% билеты съ выигрышами 1-го и 2-го внутренняго займа съ разсрочкою платежа на одинъ годъ, съ платою 15 руб. въ видѣ задатка; страхуетъ ихъ же отъ тиража погашенія по 60 коп. за билетъ; покупаетъ и продаетъ закладные листы, акціи и облигаціи, гарантированныя правительствомъ.

Антонъ Андреевъ. (10) — 5.

Издатель В. Умнова.

Объявленія печ. доч. Полиц. Николаевскій.

За редактора, А. В. Умнова.

Тип. В. Н. Умнова, въ Пензѣ.